

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Татьяна Устинова
И весь мир в придачу

Татьяна Гармаш-Роффе
Сказки сиреневой долины

Татьяна Полякова
А снег идет...

Анна и Сергей Литвиновы
Готова на все. Любовь не предлагать

Ольга Володарская
Подумай об этом завтра

Анна Князева
Любовь по стечению обстоятельств

Евгения Горская
Эскорт из бабочек

Евгения Михайлова
Антипов

Галина Романова
Счастье будет

Марина Крамер
Загадки святого Валентина

Анна Данилова
Она была шатенкой

ДЕТЕКТИВ
♥ **ДЛЯ ВСЕХ** ♥
ВЛЮБЛЕННЫХ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

Оформление серии *С. Курбатова*

Д38 **Детектив** для всех влюбленных : [сборник рассказов] / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы и др. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-099508-0

Когда в разгаре зима и кажется, что до весны еще далеко, что может согреть и поднять настроение? Конечно же, чудесный праздник, который мы успели всей душой полюбить, — День святого Валентина! В новый сборник вошли детективные рассказы популярных авторов остросюжетного жанра, посвященные Дню всех влюбленных. Самые сильные чувства и яркие эмоции на страницах этой замечательной книги!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099508-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова
И ВЕСЬ МИР В ПРИДАЧУ
7

Татьяна Гармаш-Роффе
СКАЗКИ СИРЕНЕВОЙ ДОЛИНЫ
29

Татьяна Полякова
«А СНЕГ ИДЕТ...»
50

Анна и Сергей Литвиновы
ГОТОВА НА ВСЕ.
ЛЮБОВЬ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ
62

Ольга Володарская
ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА
88

Анна Князева
ЛЮБОВЬ ПО СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
162

Евгения Горская
ЭСКОРТ ИЗ БАБОЧЕК
196

Евгения Михайлова
АНТИПОВ
225

Галина Романова

«СЧАСТЬЕ БУДЕТ»

241

Марина Крамер

ЗАГАДКИ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

271

Анна Данилова

ОНА БЫЛА ШАТЕНКОЙ

277

Наталья Александрова

ГИАЦИНТЫ

320

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

• И ВЕСЬ МИР В ПРИДАЧУ •

Она любила его, а он, ясное дело, любил родину. Такое бывает, и даже довольно часто. Кроме родины, Глеб любил еще свою карьеру — истово и с огоньком занимался ею, оглаживал и похлопывал со всех сторон, как норовистую лошадь. Карьера гарцевала, помахивала гривой, хорошо кушала, нагуливала бока, отливала глянцем и росла не по дням, а по часам, грех жаловаться.

Еще он любил музыку — джаз, разумеется, — и маму, которая издавала руководила своим мальчиком во всех вопросах, включая любовь, карьеру и джаз.

А Груня любила его с самого первого курса — скоро десятилетний юбилей грянет.

Полная бесперспективность подобного рода любви очевидна всем — но всегда почему-то становится очевидной годам к сорока. Ну, уж точно после тридцати.

Груне до тридцати ждать было еще два года — вон сколько. Поэтому она его любила, а он продолжал любить родину — гарцевать на карьере, выпасать ее на тучных пастбищах и слушать джаз и маму.

Еще был Ванечка, его она тоже очень любила.

Ванечка похож на Макса, а с Максом они развелись очень быстро — как только поженились, так сразу и развелись.

Почти. Почти так.

Ужасное имя — Максим. Отвратительное. И как это свекровь угораздило назвать сына таким кошачьим именем! Впрочем, свекрови имя нравилось. Она им гордилась, всегда выговаривала старательно — Мак-сим, и никаких сокращений от этого имени не допускала. Зато Грунино ей не нравилось нисколько. Груне и самой не нравилось, да что же делать, когда родители, филологи, русофилы и знатоки классической и всех прочих литератур, считали, что у девочки должно быть хорошее русское имя!

— Тебе, Агриппина, тоже не следовало бы...

— Чего не следовало бы, Марья Петровна?

— Да вот этой самой Груней именоваться! Это не имя, это какой-то... мичуринский сорт вроде бы!

— Какой... мичуринский сорт?

— Такой! Груня! Что такое за Груня?! Ты же не дерево!..

Груня была вполне согласна, что она не дерево, но ничего изменить было нельзя, да еще мама все время путалась, называла ее Грушенькой Мармеладовой, хотя та была вовсе никакая не Грушенька, а Сонечка — вот вам и знаток русской классической литературы!

Хорошо хоть Ванечка получился Иван Максимович, а не Федор Михайлович или Фрол Федулыч, к примеру. Груня была искренне убеждена, что все ее несчастья происходят от ее позорного имени. Разве может что-то путное выйти у женщины с таким именем?!

Когда они познакомились с Глебом, он, кажется, даже не сразу поверил в то, что она — Груня. Дело было на первом курсе, в аудитории номер триста шесть. А может, триста восемнадцать. Глеб приходил лекцию читать — такая у него была общественная нагрузка. Он считался образцовым студентом, и у него

была общественная нагрузка, тоже образцовая, потому что другим, менее образцовым, давали другие нагрузки — например, дежурить при входе в общежитие.

— Как?! — переспросил он, когда она назвалась. — Как тебя зовут?!

— Груня, — повторила обладательница хорошего русского имени убитым голосом, и Глеб покотился со смеху.

С тех пор он только и делал, что над ней смеялся — вот уже почти десять лет.

Смеялся и делал выговоры, когда она особенно надоедала ему со своей любовью, или мешала надлежащим образом холить и лелеять карьеру, или не давала как следует погрузиться в сладостно-наркотический кайф джазовых концертов — а она только и делала, что мешала, не давала и надоедала!

И по имени он никогда ее не называл. То есть совсем никогда. То есть вообще.

Ни разу за все десять лет он не обратился к ней по имени. Обычных идиотских поименований, которыми вроде бы потчуют друг друга все нежно влюбленные голубки, он тоже не признавал, как раз потому, наверное, что не являлся нежно влюбленным голубком. Как-то очень ловко ему удавалось объезжать ее имя по касательной, прямо как Герману Майеру ворта на трассе гигантского слалома.

Слалом и впрямь получился гигантский — десять лет, шутка ли!

Ужасно, что так все... не сложилось. Она была уверена — Глеб предназначен именно ей. Странно, что он этого не видит, это же так понятно!

Они были похожи друг на друга, так похожи, что иногда казалось — этого не может быть, слишком страшно. Они одинаково думали, потому что их растили по одним и тем же книжкам. Они одинаково не любили модные театральные постановки и млели

от Островского. Даже Энтони Троллопа они любили оба, хотя Груня не встречала больше ни одного человека, который знал бы, что был такой хороший английский писатель. И чувство юмора у них было схожим, а что может быть важнее сходного чувства юмора!..

Но он никогда не любил ее, черт возьми!

Он спал с ней, когда уставал от одиночества, и еще потому, что был слишком разборчив и благороден, чтобы тащить к себе в постель случайных девиц. Груня всегда летела к нему по первому зову, радостно и истово надеясь, что вот на этот раз, вот сейчас-то уж точно он зовет ее навсегда, «на всю оставшуюся жизнь», что он наконец-то понял: без нее его «оставшаяся жизнь» скучна, и нелепа, и неизвестно зачем нужна. Они встречались иногда три раза подряд. Иногда пять. Совсем редко — семь. И он снова пропадал надолго, как будто в космос улетал.

Она томилась. Надеялась. Кидалась к телефону. Мрачнела. Сердилась. Грубила. Получала родительскую взбучку. Переживала. Унижалась — в прямом смысле слова унижалась, сутулиться начинала и держать голову долу, как говаривал отец. Звонила, задавала два-три нелепых вопроса и прощалась. Он не перезванивал. Она снова звонила и разговаривала так, как никогда нельзя было с ним разговаривать, чтобы уж гарантированно поссориться и утешаться тем, что он не звонит ей не просто так, а потому, что они «поссорились».

Глеб честно с ней ссорился и не звонил. Не звонил, черт его побери, совсем!

Или звонил и говорил устало, что им давно пора расстаться, что все это ему до смерти надоело, что больше так продолжаться не может, что у него своя дорога, а у нее своя, — то же самое, что говорят всем и всегда, когда не могут от них отделаться. Но она-то

точно знала, что через две недели он снова позвонит и скажет низким, необыкновенно сексуальным голосом: «Я соскучился», и она помчится к нему, полетит, побежит — куда там русской классической литературе!

Однажды, после его очередного выговора — кажется, очного, «в глаза», — она взяла и вышла замуж.

За Макса, которого свекровь гордо называла Максим.

Макс был лет на двенадцать старше Груни и Глеба и занимался какой-то скучной офисной работой. Груня понятия не имела, какой именно, даже когда была его женой. Когда-то он окончил тот же самый институт, что Груня и Глеб, и встретились они на торжественном поедании бутербродов с копченой колбасой и выпивании водки из маленьких пластмассовых стаканчиков — юбилее факультета. Макс оказался в одиночестве, из его выпуска приехали только несколько «девушек», великовозрастных, крикливых, смачно целующихся, словно ошалевших от внезапной студенческой свободы на один вечер.

— Здравсти, — сказал Макс Груне, вырвавшись от «девушек», — а я вас помню. Я читал у вас пару лекций по оптике. Михал Петрович тогда заболел, и меня назначили, чтобы у меня был опыт преподавательской работы. Перед докторской. Не помните?

Груня решительно его не помнила. К стыду своему, она так же решительно не помнила ни заболевшего Михал Петровича, ни оптики, так сказать, в целом. Но то, что и этот тоже — как Глеб! — читал ей лекции, было до крайности забавно.

— У вас какое-то необыкновенное имя, — продолжал резвиться бывший лектор. — Аполлинария? Амалия?

— Агриппина, — подсказала помрачневшая Груня.

— Точно! — восхитился будущий муж. — Как это я забыл? А чем вы сейчас занимаетесь?

Груня гордо объявила ему, что занимается тем, что работает на телевидении. Макс удивился и присмирел. Потом оказалось, что он решил, будто она работает на телевидении Ариной Шараповой, хотя Груня была всего лишь редактором в небольшой утренней программке.

После колбасы с водкой он подвез ее до дома, потому что Глеб, с которым она пришла, трепался с однокурсниками и старательно изображал, что Груню видит первый раз в жизни. Вообще ей всегда казалось, что он ее стесняется, как человек, который делает вид, будто собака, писающая на тротуаре при всем честном народе, — не его. Груня ни в чем таком замечена никогда не была, но Глеб все равно стеснялся. Никто не должен был знать, что он — «с ней». Разумеется, все знали, но разубедить его в этом было невозможно, и он унижал ее еще и этим — плечи опускались, спина сутулилась, как будто сама по себе.

Вот такую, ссутуленную и с теплым пластиковым стаканчиком в ладони, за колонной ее обнаружил Макс. Он доставал из кармана телефон, и вместе с трубкой из кармана вылез кошелек, и ключи от машины грохнулись на паркет, завертелись, поехали и оказались у Груни под каблуком. Она наклонилась, чтобы поднять, толкнула попойкой костюмный бок, перед носом у нее что-то мелькнуло, плеснулось, и она выпрямилась с ключами в руке. Оказывается, у Макса тоже был теплый пластмассовый стаканчик, и теперь томатный сок аппетитно капал с его итальянского галстука прямо ей на ботинок.

Груня оцепенела.

Макс пятерней отряхнул галстук и посмотрел на нее.

— Это ваши? — пропищала Груня и глупо помахала у него перед носом связкой. Нужно было немедленно вернуть ему ключи и бежать со всех ног в направлении канадской границы — именно это

направление предписывала в подобных случаях вся мировая литература.

— Мои, — признался Макс и потряс галстуком, почему-то приобретшим от томатного сока странный зеленоватый оттенок. — Подвезти вас? Или вы на машине?

Груня попятилась и прислонилась попойкой к колонне. Колонна была холодная и гладкая.

— Я... нет, я не на машине. А как теперь быть с вашим... с этим... Вы извините меня, пожалуйста, я думала, что... короче, я только увидела, что ключи упали, а вас не заметила... Я хотела...

— Это все ерунда, — бодро сказал Макс и стянул с шеи непередаваемо зеленый галстук. Скатал его, поискал глазами урну, прицелился, метнул и попал. Груня проводила галстук глазами. Тогда она еще не знала, что Макс так решает все проблемы на свете — решительно, навсегда и очень быстро.

— Так подвезти вас? Или вас ждет кавалер на улице?

Глеба он даже не заметил. Или не понял, что это и есть кавалер.

И подвез ее.

Сначала подвез, а потом женился.

Самое главное — он все про нее знал. К счастью, оказалось, что он очень умный.

— Я тебя не люблю, — решительно сказала она, когда Макс сделал ей предложение.

— Это не имеет никакого значения.

— Как?! — Груня, воспитанная на русской классической и прочих хороших литературах, совершенно точно знала, что только любовь и имеет значение.

Макс почесал длинный нос:

— Да так. У нас с тобой будет очень хорошая семья, и наплевать на все остальное.

— Подожди, — попросила она. — А ты?... Ты меня тоже... не любишь?

Он промолчал и даже вздохнул тяжело.

— Нет, ты мне скажи. Зачем тебе тогда приспичило на мне жениться, если ты меня не любишь?!

И он сказал, морщась:

— Я люблю тебя. Правда. Но... немножко не так, как ты это себе представляешь.

— Как — не так?! — возмутилась Груня. — Что значит, не так?! Тогда расскажи мне как!

— Не расскажу, — тихо сказал он. — Я не умею ничего такого рассказывать. Но ты все-таки выходи за меня.

И она вышла. Поссорилась с Глебом и вышла.

Глеб ужасно удивился. И даже ревновал некоторое время, доставляя Груне искреннюю и чистую женскую радость. Но и замужество ничего не изменило — они продолжали встречаться, то реже, то чаще, но всегда в его холодной нищенской съемной квартире в спальном районе. К себе она Глеба почему-то никогда не звала.

Потом родился Ванечка, беленький, удивительно похожий на Макса, и без того сложная сложность усложнилась еще в сто раз. Встречаться стало некогда, кроме того, обманывать Макса было как-то не так стыдно, как Ванечку. В конце концов, Макс был взрослый человек и все про нее знал — она сама ему сказала, вот молодец какая! Словно заранее индульгенцию выпросила на свидания с Глебом, но оттого, что как бы это разрешалось, ей все время было неловко, гораздо более неловко, чем если бы не разрешалось!

Кроме того, ее муж ничего не замечал. Он никогда и ничего не замечал, и это раздражало ее ужасно.

Он приезжал с работы, сдирал с шеи очередной итальянский галстук, по дороге в ванную оставлял на креслах и стульях последовательно пиджак, рубашку и брюки, напяливал майку и джинсы, протертые на коленях до дыр, и весь вечер таскал Ванечку на руках, делал ему

«козу», громким голосом декламировал глупые стихи, фальшиво пел глупые песни, потряхивал, подбрасывал, пощекотывал и заливался идиотским отцовским смехом, когда Ванечка пускал на него слюни. Поэтому Ванечка сказал «папа» примерно на год раньше, чем «мама», а Груня только и делала, что выслушивала лекции близких и дальних о том, что отец портит ребенка и в конце концов испортит окончательно.

Испортить ребенка окончательно Макс у не удалось. Они развелись.

Груня была уверена, что Макс и в этом случае ничего не заметит, и ошиблась. Она была уверена, что, если пообещает ему беспрепятственные свидания с сыном, Макс нисколько не огорчится, даже, пожалуй, обрадуется — больше не придется жить с женой, которая постоянно и упорно ему изменяет, кидается к телефону, уходит с ним — с телефоном то есть — в ванную, а выходит оттуда все с тем же телефоном и красными от слез и «чувств-с» глазами. В конце концов, ни один мужчина, даже такой «равнодушный», как Груня определила для себя Максому существо, долго терпеть вряд ли сможет.

— Ты сошла с ума, — сказал Макс, когда она объявила ему, что уходит, и ей вдруг показалось, что он умер. Вот так взял и умер у нее на глазах, и то, что он сидит и говорит, и снимает очки и трет глаза, и снова надевает очки, совершенно не означает, что он до сих пор жив.

— Ты не думай, — затараторила Груня, испуганно рассматривая мертвого Макса, — Ванечка останется. То есть он, конечно, не останется с тобой, но ты можешь с ним видеться хоть каждый день, как всегда.

— Ну да, — согласился Макс.

Груня перевела дыхание и бестолково и неаккуратно налила себе воды из бутылки. Она не думала, что объяснение будет таким трудным.